

Оригинальная статья

DOI: 10.17748/2219-6048-2024-16-5-19-36

УДК 947:2(571.6)»1920/1930

**РУССКИЙ ХАРБИН И ДАЛЬЛЯГ В СУДЬБЕ ПРАВОСЛАВНЫХ
ВЕРУЮЩИХ СОВЕТСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
в 1920–1930-е годы**

Светлана Михайловна Дударенок

Отдел социально-политических исследований Института истории, археологии
и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,

г. Владивосток, Россия

ORCID ID - <https://orcid.org/0000-0003-4641-7699>

dudarenoksv@gmail.com

Аннотация. Целями данной статьи является анализ повседневной жизни православных верующих советского Дальнего Востока в 1920–1930-е годы и вероисповедной политики дальневосточных властей в данный период. Особое внимание уделяется процессу формирования в среде дальневосточных православных верующих новых религиозных и светских практик. *Методология*, избранная автором для настоящего исследования, включает в себя: компаративный анализ деятельности православных верующих советского Дальнего Востока в 1920–1930-е годы; появление и распространение в среде верующих новых религиозных и светских практик; отношение к данным практикам общества и власти. Работа основывается на комплексном, системно-историческом подходе к изучению прошлого. *Методика исследования* опирается на метод научного описания.

В условиях развернутой в 1920–1930-е годы органами власти борьбы с религией в среде *православных верующих* (как сторонников патриарха Тихона, так и старообрядцев) возникли новые религиозные практики: проведение молитвенных собраний в домах верующих, создание нелегальные монастырей, изготовление свечей и мира на дому, налаживание неформальных контактов с оставшимся духовенством, привлечение к проведению служб нерукоположенных священников и даже женщин. К *светским практикам* православных верующих можно отнести агитацию, направленную против участия в обновленческих приходах, сбор пожертвований для оказания материальной помощи высланным или находящимся в

заклучении священнослужителям, беседы на религиозные темы в магазинах, учреждениях и пр., беседы с соседями о Новой Конституции, подготовка различных обращений в советские органы с требованием прекратить антирелигиозную кампанию, проводимую советской властью. В статье делается вывод, что на повседневную жизнь дальневосточных верующих значительное влияние оказали их контакты с верующими, проживающими в полосе отчуждения КВЖД и Русском Харбине, а также верующими – заключенными дальневосточных лагерей, сыгравшими значительную роль в сохранении прежних религиозных традиций и формировании новых.

Ключевые слова: религия, церковь, верующие, повседневная жизнь, религиозные практики, молитвенные собрания, Русский Харбин, Дальлаг, вероисповедная политика

Для цитирования: Дударенок С.М. Русский Харбин и Дальлаг в судьбе православных верующих советского дальнего Востока в 1920–1930-е годы // Историческая и социально-образовательная мысль. 2024. Т. 16. № 5. С. 19-36
DOI: 10.17748/2219-6048-2024-16-5-19-36

Original article

RUSSIAN HARBIN AND DALLAG IN THE FATE OF ORTHODOX BELIEVERS IN THE SOVIET FAR EAST IN THE 1920S–1930s

Svetlana M. Dudarenok

Department of Socio-Political Research of the Institute of History, Archaeology
and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far Eastern Branch
of the Russian Academy of Sciences,

Russia, Vladivostok,

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4641-7699>

dudarenoksv@gmail.com

Annotation. *The purpose of this article* is to analyze the daily life of Orthodox believers in the Soviet Far East in the 1920s–1930s and the religious policy of the Far Eastern authorities in this period. Particular attention is paid to the process of formation of new religious and secular practices among the Far Eastern Orthodox believers. *The methodology* chosen by the author for this study includes a comparative analysis of the activities of Orthodox believers in the Soviet Far East in the 1920s–1930s; the emergence and spread of new religious and secular practices among believers; the attitude of society and the authorities to these practices. The work is based on a complex, system-historical

approach to the study of the past. *The research methodology* is based on the method of scientific description.

In the context of the struggle against religion launched by the authorities in the 1920s–1930s, new religious practices arose among *Orthodox believers* (both supporters of Patriarch Tikhon and Old Believers): holding prayer meetings in the homes of believers, creating illegal monasteries, making candles and peace at home, establishing informal contacts with the remaining clergy, and involving unordained priests and even women in conducting services. *The secular practices* of Orthodox believers include agitation directed against participation in renovationist parishes, the collection of donations to provide material assistance to exiled or imprisoned clergymen, conversations on religious topics in shops, institutions, etc., conversations with neighbors about the New Constitution, and the preparation of various appeals to the Soviet Union with a demand to stop the anti-religious campaign carried out by the Soviet government. The article concludes that the daily life of Far Eastern believers was significantly influenced by their contacts with believers living in the exclusion zone of the Chinese Eastern Railway and Russian Harbin; as well as believers from the Far Eastern camps, who played a significant role in preserving old religious traditions and forming new ones.

Keywords: religion, church, believers, everyday life, religious practices, prayer meetings, Russian Harbin, Dallag, religious

For citation: Dudarenok S.M. Russian Harbin and Dallag in the fate of orthodox believers in the Soviet Far East in the 1920s–1930s. Historical and social-educational Idea. 2024. T.16. No.5. P. 19-36 (In Russ.).

DOI: 10.17748/2219-6048-2024-16-5-19-36

Введение

Повседневная жизнь верующих в советский период истории является одной из актуальных проблем отечественного исторического религиоведения. На повседневные светские и религиозные практики, а также разделяемые ценности православных верующих советского Дальнего Востока в 1920–1930-е годы значительное влияние оказывали два фактора: Русский Харбин, который после окончания Гражданской войны и массовой эмиграции в Маньчжурию русских беженцев становится центром восточной ветви русской эмиграции, и наличие на территории региона Дальлага.

Повседневной жизни «харбинцев», в том числе и религиозной, посвящено значительное количество литературы [1; 2; 3; 5; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 17; 19; 21; 22; 24 и др.], однако влияние Харбина на повседневную жизнь дальневосточников, особенно после 1922 г., осталось вне поля зрения исследователей.

Целями данной статьи является анализ повседневной жизни православных верующих советского Дальнего Востока в 1920–1930-е годы и вероисповедной политики дальневосточных властей в данный период. Основным *источником* послужили материалы Фонда 1588 Государственного архива Приморского края (ГАПК), вводимые автором в научный оборот впервые. *Методология*, избранная автором для настоящего исследования, включает в себя: компаративный анализ деятельности православных верующих советского Дальнего Востока в 1920–1930-е годы; появление и распространение в среде верующих новых религиозных и светских практик; отношение к данным практикам общества и власти. Работа основывается на комплексном, системно-историческом подходе к изучению прошлого. *Методика исследования* опирается на метод научного описания.

Результаты и обсуждение

До революции главной особенностью Харбина была его либеральная религиозная политика. С.Ю. Витте предложил расселить вдоль КВЖД религиозные меньшинства, приглядывать за ними, но без особого усердия [4, с. 511]. Такая политика побуждала тех, кто опасался преследования, переезжать в Харбин, и в результате он стал и многонациональным и поликонфессиональным городом [см. подробнее: 14; 22].

Свержение 26 октября (8 ноября) 1917 г. Временного правительства привело к установлению новой власти в стране. Связь с правлением Общества КВЖД в Петрограде была практически полностью прервана. Гражданская война в России привела к потере контроля над территорией полосы отчуждения. 16 марта 1920 г. китайские войска во главе с майором Ло Бинем заняли здание штаба охранной стражи железной дороги, а 23 сентября 1920 г. президент Китайской Республики Сюй Шичан издал Декрет о прекращении официальных сношений с российскими дипломатическими представительствами в Китае. В ответ на это советское правительство заявило об отказе от права экстерриториальности. Полоса отчуждения КВЖД была переименована в Особый район Восточных провинций (ОРВП) [15, с. 698]. Бывшее российское население оказалось в эмиграции.

После 1922 г. на территорию ОРВП прибывали крупные группы русских эмигрантов, среди которых были верующие различных религий и священнослужители. Религиозные конфессии в начале 1920-х годов старались поддерживать связь с церковно-административными структурами, находящимися на советском Дальнем Востоке. Основной целью их деятельности являлось сохранение этнокультурной идентичности диаспор [3, с. 29]. Ведущую роль в этой работе занимала Русская православная церковь.

Какую роль сыграли связи дальневосточных верующих с «харбинцами» в судьбе православных общин (как сторонников патриарха Тихона, так и старообрядцев), можно судить по материалам следственного дела № 14040-1937 контрреволюционной монархической организации церковников тихоновской ориентации

г. Владивостока по обвинению Топоркова В.А., Лебедева П.Л. и других по ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР [ГАПК. Ф.1588. Оп.2. Д.30850. Т.1-2]. К уголовной ответственности были привлечены 17 человек (Топорков Василий Львович, Лебедев Петр Лаврентьевич, Рябенский Василий Ефстафьевич, Плаксин Николай Гаврилович, Винокуров Константин Александрович, Мешкова Мария Семеновна, Закржевский Бронислав Иосифович, Закржевская Евдокия Федоровна, Гращенко Анисия Евтифьевна, Ковалева Мария Ульяновна, Пехова Анна Семеновна, Кузнецов Алексей Васильевич, Кравец Пелагея Петровна, Саломатова Агафья Яковлевна, Рябинина Федора Ивановна, Кравец Иван Максимович, Мичурова Фекла Матвеевна [ГАПК. Ф.1588. Оп.2. Д.30850. Т.1. Л.1]), в основном священники Русской православной церкви. Из них 12 были приговорены к высшей мере наказания – расстрелу; остальные 5 – к заключению в концлагерь сроком на 10 лет.

Как следует из материалов дела, ссылки и заключение в исправительные учреждения священников – сторонников патриарха Тихона (в миру Василий Иванович Беллавин) с территории Дальневосточной области (с 1926 г. – Дальневосточный край (ДВК) с центром в г. Хабаровске), а следом и закрытие православных приходов за «связь с границей» (ушедшими вместе с Белой армией в Маньчжурию православными священниками) и «сотрудничество с небольшевицкими правительствами» на территории региона начались уже в 1923 г. Дальневосточные священнослужители были не только хорошо знакомы друг с другом и с ушедшими в эмиграцию священнослужителями, но и имели близких родственников среди «харбинцев» [ГАПК. Ф.1588. Оп.2. Д.30850. Л.73, 73-76, 98(об.), 109(об.), Л.120, 191-192(об.)]. Это становилось причиной высылки священнослужителей с территории региона и привлечения их к уголовной ответственности (некоторых священников привлекали к уголовной ответственности за период с 1923 по 1927 г. несколько раз).

Связям дальневосточных и харбинских верующих во многом способствовала прозрачность границ между государствами, существующая до 1927 г. Ситуация стала резко меняться в 1928 г. Политическая ситуация в Китае была крайне нестабильной, что привело к гражданской войне и столкновению правительства Китайской республики и китайских коммунистов. В декабре 1928 г. было подписано соглашение между Нанкинским правительством и маршалом Чжан Сюэ-ляном, одним из ведущих политических деятелей Гоминьдана. Маршал был назначен главнокомандующим войсками Северо-Восточного Китая. В стране начинает устанавливаться гоминдановский режим во главе с Чан Кайши. В декабре того же года Чан Кайши, выступавший за единоличное управление КВЖД Китаем, объявил советско-китайский договор неравноправным [7, с. 74-75].

В этой ситуации Советский Союз начинает процесс укрепления границ. К началу 1930-х годов связь между советскими общинами и церквями в ОРВП была практически полностью прервана, что значительно облегчило властям разгром дальневосточных православных приходов.

Значительную роль харбинских единоверцев в сохранении и развитии дальневосточного православия признавали и органы власти. Так, например, в справке от 26 мая 1937 г. начальника 4 отдела УГБ УНКВД по ДВК капитана государственной безопасности Сидорова отмечается: «При обысках на квартирах арестованных обнаружена антисоветская литература харбинского издания, пропагандирующая японофильские настроения. ... Церковники и сектанты поддерживают организационные связи с зарубежными контрреволюционными белоэмигрантскими организациями, под влиянием которых и иностранных разведок проводят на территории ДВК антисоветскую деятельность и распространяют японофильские настроения...» [Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф.Р-137. Оп.10. Д.253. Л.104-107].

В вину дальневосточным священникам вменялось: «хранение на дому церковной утвари и религиозных книг» после закрытия приходов [ГАПК. Ф.1588. Оп.2. Д.30850. Л.60-61]; хранение писем от родственников и знакомых из Харбина [ГАПК. Ф.1588. Оп.2. Д.30850. Л.105(об), 123-124]; хранение «монархической контрреволюционной брошюры профессора П.В. Верховского "Вожди и герои России. Патриарх Тихон"» [ГАПК. Ф.1588. Оп.2. Д.30850. Л.68]; личное знакомство с организатором Камчатского братства, епископом Камчатским Нестором (в миру Николай Александрович Анисимов) и укрывательство от советской власти оставленной епископом Нестором «ценной золотой и серебряной церковной утвари» [ГАПК. Ф.1588. Оп.2. Д.30850. Л.123-1].

Привлечение к уголовной ответственности и высылка священников с территории региона стали прекрасным поводом для местных властей официально закрыть все существующие на территории ДВК православные приходы сторонников патриарха Тихона (Белавина). В 1930 г. на территории ДВК официально действовал только один приход в г. Благовещенске, окормляемый пожилым слепым протоиереем [ГАПК. Ф.1588. Оп.2. Д.30850. Л.86]. В результате православные верующие ДВК начинают активно принимать идеологию обновленчества.

Дальневосточных священников в 1927–1929 гг. чаще всего ссылали в Уральскую область (г. Ирбит, г. Шадринск и др.) [ГАПК. Ф.1588. Оп.2. Д.30850. Л.74], где некоторые из них познакомились с будущим архиепископом Новосибирским Сергием¹ (в миру Николай Нилович Васильков). Данное зна-

¹ Архиепископ Новосибирский Сергий (в миру Николай Нилович Васильков) родился в с. Подоклинье Порховского уезда Псковской губернии 22 ноября (4 декабря) 1861 г. В 1886 г. со степенью кандидата богословия окончил Санкт-Петербургскую духовную

комство стало для многих фигурантов следственного дела № 14040-1937 трагичным. По мнению следствия, контрреволюционная монархическая организация церковников тихоновской ориентации в г. Владивостоке была создана приморскими священнослужителями (Топорковым, Лебедевым, Рябенкиным, Плаксиным и др.) по «заданию по развертыванию антисоветской деятельности» митрополита Московского Сергия (Страгородского) и указанию архиепископа Новосибирского Сергия (Василькова) [ГАПК. Ф.1588. Оп.2. Д.30850. Л.74, 75, 81, 85, 95, 102(об.), 107, 118(об.)].

Вернувшиеся в 1931 г. из ссылки дальневосточные священники обнаружили полное отсутствие организованной православной религиозной жизни. Начиная с этого времени формируются новые религиозные и светские практики.

К новым религиозным практикам можно отнести: проведение молитвенных собраний в домах верующих, создание нелегальных монастырей, изготовление свечей и мира на дому [ГАПК. Ф.1588. Оп.2. Д.30850. Л.122(об.), 201(об.)], налаживание контактов с оставшимся сельским духовенством и др.

В ходе борьбы с обновленцами и властями за сохранение патриаршей традиции дальневосточные православные верующие стали проводить молитвенные собрания на частных квартирах. Например, владивостокские православные верующие в начале 1930-х годов проводили молитвенные собрания на квартирах П.П. Кравец [ГАПК. Ф.1588. Оп.2. Д.30850. Л.14], М.У. Ковалевой [ГАПК. Ф.1588. Оп.2. Д.30850. Л.201(об.)], священника В.Л. Топоркова, который

академию. По окончании два года был учителем церковно-приходской школы Михайлова Погоста Псковской епархии. 6 (18) ноября 1888 г. рукоположен в сан иерея, назначен помощником смотрителя Рижского духовного училища. С 1891 г. стал преподавателем в Уфимском духовном училище, с 3 (16) октября 1906 г. назначен его смотрителем. Позднее занимал должности смотрителя в Пинском (1908–1913) и Арзамасском (1913–1918) духовных училищах. В 1918–1926 гг. был приходским священником в двух селах Арзамасского уезда. В июне 1922 г. овдовел, в 1926 г. принял монашеский постриг под именем Сергия. 6 (19) июня 1927 г. был арестован, осужден постановлением Особого совещания ОГПУ к трехлетней ссылке в город Ирбит. 6 июня 1930 г. после отбытия ссылки был отправлен на поселение в Шадринск. 27 января 1933 г. был вновь арестован по делу о контрреволюционной монархической организации в Челябинском районе Уральской области «Союз спасения России». 11 августа 1933 г. следствие прекращено за недоказанностью. 10 октября 1933 г. назначен на Томскую кафедру. 9 июля 1934 г. по предложению митрополита Сергия (Страгородского) возведен в сан архиепископа. 8 мая 1935 г. назначен архиепископом Новосибирским. В ночь с 4 на 5 мая архиепископ Сергей вместе с рядом духовенства и мирян был арестован. Ему было предъявлено обвинение в руководстве церковно-монархическим контрреволюционным центром, организации диверсий и повстанческих групп, контрреволюционной агитации. 25 июня 1937 г. приговорен к расстрелу тройкой УНКВД по Запсибкраю по статьям 58-2, 58-6, 58-11 УК РСФСР. Расстрелян 29 июля 1937 г. в г. Новосибирске Западно-Сибирского края.

«группировал вокруг себя контрреволюционный монархический церковный элемент и у себя на дому нелегально проводил нелегальные церковные службы, проводил нелегальные собрания» [ГАПК. Ф.1588. Оп.2. Д.30850. Л.122(об)].

Верующие создавали мужские и женские монастыри, которые действовали нелегально, хотя власти прекрасно знали об их существовании. Например, в конце 1927–1929 гг. во Владивостоке на Гайдамаковской улице существовал «женский нелегальный монастырь». Духовным наставником монашек был один из фигурантов следственного дела № 14040-1937 контрреволюционной монархической организации церковников тихоновской ориентации г. Владивостока, священник Василий Львович Топорков, расстрелянный по итогам рассмотрения «дела». В монастыре проживало более 100 монашек [ГАПК. Ф.1588. Оп.2. Д.30850. Л.139]; его настоятельницей была Валентина Прокопьевна Рассина [ГАПК. Ф.1588. Оп.2. Д.30850. Л.80].

Окормлением насельниц и приходивших на воскресные службы в этот монастырь родственников и знакомых монашек, в основном из сельской местности, В.Л. Топорков занимался по благословению архиепископа Киприяна [ГАПК. Ф.1588. Оп.2. Д.30850. Л.81] (в миру Константин Станиславович Комаровский; в 1925–1927 гг. – епископ Владивостокский и Приморский. – *С.Д.*)

Другая монашеская владивостокская община находилась в доме священника Н.Г. Плаксина. Она окормлялась игуменом Стефанием (Савиновым) [ГАПК. Ф.1588. Оп.2. Д.30850. Л.126, 138-139]. Религиозные службы этой монашеской общины также тайно посещали верующие не только г. Владивостока, но и других населенных пунктов.

Чтобы не прервалась традиция, вернувшиеся из ссылки и лагерей священники старались донести до сельского духовенства все решения, принимаемые в Москве митрополитом Сергием (в миру Иван Николаевич Страгородский).

Так, например, Топорков, Жариков, Кузнецов и Азрабкин (все бывшие служители Приморских приходов РПЦ) в 1932 г. смогли познакомить с возванием митрополита Сергия (Страгородского), касающегося нововведений в проведении службы священников Приморской области Седанкинской общины Н. Плаксина, Шамаковской общины М. Гладковского, с. Голенки Г. Дымаева и др. [ГАПК. Ф.1588. Оп.2. Д.30850. Л.82-83].

Среди новых светских практик можно отметить: агитацию «за вступление в общину Тихоновского направления, доказывая, что обновленческая церковь – антихристова церковь, что только старая тихоновская церковь настоящая христианская» [ГАПК. Ф.1588. Оп.2. Д.30850. Л.201(об.)]; сбор пожертвований для оказания материальной помощи высланным или находящимся в заключении священнослужителям [ГАПК. Ф.1588. Оп.2. Д.30850. Л.125-125(об.)]; беседы на религиозные темы в магазинах, учреждениях и пр.; беседы с соседями о Новой Конституции, что для «Советской власти церковь и религия не в почете, что Советская власть нарушает Новую Конституцию, не дает полной свободы церкви и религии»

[ГАПК. Ф.1588. Оп.2. Д.30850. Л.125-125(об.)]; подготовку различных обращений в советские органы с требованием «возвращения верующим здания бывшего кафедрального собора» [ГАПК. Ф.1588. Оп.2. Д.30850. Л.93-94(об.)]; подготовку «возмущения-протеста в областную прокуратуру и секретарю крайкома ВКП(б) от имени церковной общины» с требованием прекратить «антирелигиозную кампанию, проводимую Советской властью» [ГАПК. Ф.1588. Оп.2. Д.30850. Л.132] и пр.

За все эти светские практики священнослужителей с 1932 г. начинают отправлять в концлагеря [ГАПК. Ф.1588. Оп.2. Д.30850. Л.80-81, Л.126].

Не только сторонники патриарха Тихона (Белавина), но и обновленцы в 1920–1930-е годы на советском Дальнем Востоке не имели приемлемых условий для организации нормальной религиозной жизни. Православная вера в это время поддерживалась в среде обновленцев Дальнего Востока главным образом за счет сохранения традиций в семьях. В конце 1930-х годов во многих дальневосточных селах стали тайно организовываться «православные богослужения». Настоящими богослужениями эти встречи верующих не были, так как некому было проводить религиозные обряды и совершать таинства. В некоторых случаях культ тайно отправляли священники, официально порвавшие с религией и работавшие на советских предприятиях [23, с. 83]. Например, в г. Хабаровске в одной из обновленческих общин, в нарушение всех канонических традиций, было отмечено регулярное исполнение священнических обязанностей женщиной [ГАХК. Ф.Р-1359. Оп.1. Д.1. Л.36; 18, с. 211].

Харбин оказал влияние и на судьбу дальневосточных старообрядцев Белокрыницкой иерархии.

8 февраля 1931 г. в Свободном по ст. 58-10 УК был арестован бывший временный дальневосточный епископ Старообрядческой Церкви Климент (в миру Карп Дмитриевич Логвинов). Доказать его контрреволюционную деятельность не удалось, епископ Климент был освобожден. Через год в феврале 1932 г. последовал его повторный арест. Во время обыска из кладовой его дома № 35 по улице Красноармейской изъяли предметы священнического облачения, 87 книг, 2 географические карты, 2 металлических креста, 4 грамоты и 2 складных посоха. И самое главное, была найдена переписка епископа Климента (Логвинова) со старообрядцами из г. Харбина и Трехречья.

Во внешнеполитических обстоятельствах нарастающей военно-политической конфронтации с милитаристской Японией, после ее оккупации северо-восточных провинций Китая и создания в 1932 г. марионеточного государства Маньчжоу-Го (Даманьчжоу-диго), переписка бывшего старообрядческого архиерея привлекла особое внимание руководства полномочного представительства (ПП) ОГПУ ДВК. Логика следствия была проста: имея тесную связь с границей на Дальнем Востоке, епископ Климент (Логвинов) может дать немало ценного материала для использования в дальнейшей работе по выяснению зарубежных связей старообрядцев.

16 декабря 1932 г. особое совещание при коллегии ОГПУ постановило выслать владыку Климента на 3 года в Казахстан, но 14 мая 1933 г. Климент (Логвинов) вновь оказался в Хабаровском изоляторе и после повторных допросов был привлечен к уголовной ответственности по обвинению в «более серьезном преступлении»: создании контрреволюционной организации («Всероссийский союз старообрядческих братств»). Фабрикация этого дела шла по аналогии с делом ленинградского братства протопopa Аввакума.

17 июля 1933 г. постановлением судебной тройки представительства ОГПУ по Дальневосточному краю епископ Климент (Логвинов) был приговорен к расстрелу по статье 58, пункты 2, 10, 12 Уголовного кодекса РСФСР («вооруженное восстание или любое действие с намерением насильственно отторгнуть от Советского Союза любую часть его территории; пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению советской власти; недонесение о достоверно известном, готовящемся или совершённом контрреволюционном преступлении»). Приговор приведен в исполнение 25 июля 1933 г. в г. Свободном.

В тот же день 17 июля 1933 г. судебная тройка постановила расстрелять еще 16 человек: двух старообрядческих священников Т.К. Афанасьева и С.Ф. Перова; сына священника В.Ф. Перова; хабаровского церковного старосту Т.М. Морозова; верующих Е.И. Бутковского, А.И. Бутковского, И.С. Минаева, У.И. Иванова, Е.С. Чебунина, А.И. Федотова, П.С. Калистратова, М.З. Афанасьева, М.В. Чебунина, Ф.В. Черухова, Л.К. Афанасьева, Е.П. Иванова.

Священника П.Ф. Изотова выслали в Зейский район на 3 года. По этому же делу 25 человек заключались в концлагерь сроком на 10 лет, 2 человека на 5 лет и 10 человек на 3 года.

Впоследствии аресты, связанные с «Всероссийским союзом старообрядческих братств», были продолжены. Руководство ПП ОГПУ ДВК допускало, что у этой «контрреволюционной повстанческой организации старообрядцев Белокрицкого толка» были ячейки в селах Хабаровского района: Марковке, Смирновке, Красной Речке и Князе-Волконке. Здесь проживали русские переселенцы из Румынии, приехавшие в Россию в начале XX в., поэтому было принято решение о проведении дополнительного и отдельного расследования.

В августе 1933 г. арестовывают первых 15 человек. Всего же в этом деле фигурировали не менее 50 человек. 11 января 1934 г. судебная тройка постановила по ст. 58-10, ч. II УК расстрелять старообрядческих священников П.Ф. Изотова, В.Г. Борисова, начетчика П.К. Голованова, М.В. Рябова, Н.Е. Семенова, 8 человек заключить в концлагерь на 10 лет и 2 человека на 5 лет. Они обвинялись также в практике обучения детей закону Божьему в подпольных религиозных школах, в связи со старообрядцами Харбина, не говоря уже о систематической антисоветской агитации, направленной к срыву всех кампаний и мероприятий советской власти на селе и антиколхозной деятельности [см. подробнее: 25; 26].

Можно сделать вывод, что в атмосфере шпиономании и охоты за реальными и вымышленными «классовыми врагами в городе и деревне» существование постоянных контактов между единоверцами, проживающими на территории СССР и в Северной Маньчжурии, явилось одной из причин политических репрессий на советском Дальнем Востоке как против Русской православной церкви (сторонников патриарха Тихона), так и Старообрядческой Церкви (Белокриницкой иерархии).

После продажи СССР своей доли КВЖД в 1935 г. около 30 тысяч русских харбинцев воспользовались возможностью выехать со своим имуществом в СССР, где была большая потребность в рабочих руках ввиду массовой индустриализации. Они уезжали с воодушевлением, ведь большинство из них родились в России. Однако многие из них позже были арестованы по обвинениям в шпионаже и контрреволюционной деятельности согласно Приказу НКВД № 00593, подписанному Н.И. Ежовым 20 сентября 1937 г. и посвященному «террористической диверсионной и шпионской деятельности японской агентуры из так называемых харбинцев» (бывшие служащие Китайско-Восточной железной дороги и реэмигранты из Маньчжоу-Го). Исходя из того, что «за последний год репрессировано за активную террористическую и диверсионно-шпионскую деятельность до 4 500 харбинцев», был сделан следующий вывод: «выехавшие в СССР харбинцы, в подавляющем большинстве, состоят из бывших белых офицеров, полицейских, жандармов, участников различных эмигрантских шпионско-фашистских организаций и т.п. В подавляющем большинстве они являются агентурой японской разведки, которая на протяжении ряда лет направляла их в Советский Союз для террористической, диверсионной и шпионской деятельности» [16]. Определенная часть харбинцев, вернувшихся в СССР, осталась на территории советского Дальнего Востока, где многие из них родились и имели родственников.

Аресты «харбинцев», большинство из которых были православными верующими, начались с 1 октября 1937 г. Часть «харбинцев» из числа арестованных подлежала расстрелу, другая часть – заключению на 8–10 лет исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ). «Харбинцы», не попадающие под арест, были отстранены от работы на железнодорожном, водном и воздушном транспорте, а также на промышленных предприятиях. Освобождение из тюрем ранее заключенных «харбинцев» было прекращено. «Харбинцев» в СССР, согласно учету НКВД, было на тот момент около 25 тыс. человек, и все они были репрессированы [16].

Значительное влияние на повседневную жизнь дальневосточных православных верующих в конце 1920-х – 1930-е годы имело наличие на территории региона организованного в соответствии с Постановлением Совета Народных Комиссаров СССР от 11 июля 1929 г. Дальлага.

Центральный концлагерь находился в Хабаровске, так как Хабаровск являлся столицей ДВК. Концлагерь № 2 находился на побережье Татарского пролива, а остальные лагеря располагались во Владивостоке и его окрестностях.

Концлагерь № 1 находился на склоне Саперной стопки, в бывших помещениях Владивостокской крепости (район нынешнего Моргородка). Недалеко было и место работы заключенных – бутощебеночный карьер. Второй лагерь находился в долине Первой Речки, в районе нынешней ул. Карьерной, 2, – он считался филиалом концлагеря № 1. Наконец, концлагерь № 3 располагался на острове Аскольд.

Поначалу в Дальлаге содержалось небольшое число заключенных. Их число колебалось от 30 до 40 тыс. чел., но с раскручиванием маховика репрессий количество выросло до 100 тыс. чел. В 1937 г. в Дальлаге содержалось 157 тыс. чел., а к 1938 г. сосредоточилось до 227 тыс. чел. В 1939 г. Дальлаг был расформирован. На базе лагерей Дальлага были сформированы: Владивостокский исправительно-трудовой лагерь; Хабаровский исправительно-трудовой лагерь; Средне-Бельский исправительно-трудовой лагерь; Бирский исправительно-трудовой лагерь и Строительное Управление № 201 [см. подробнее: 6, с. 340-369; 20, с. 209].

Среди заключенных было значительное количество верующих, которые от своих религиозных взглядов не отказывались, а вели активную миссионерскую деятельность среди солагерников и вольнонаемных, с которыми сталкивались во время производственной деятельности: добыче угля и других полезных ископаемых, лесозаготовках и строительстве.

Приморских священнослужителей РПЦ и православных активистов чаще всего отправляли в концлагерь № 2 [ГАПК. Ф.1588. Оп.2. Д.30850. Л.74] (пос. Светлая)¹. Находящиеся в Дальлаге Савинов, Стрелецкий, Скорняков не только проводили службы и требы для заключенных, но и «помогали идейно» в работе по «формированию нелегальных церковных общин, активизации существующих легальных, организации религиозных масс как в городе, так и на периферии» [ГАПК. Ф.1588. Оп.2. Д.30850. Л.74] находящимся на свободе священникам и православным активистам.

Ф.В. Стрелецкий – крупный лесопромышленник, арестованный в 1932 г., в Дальлаге работал техником, имел «свободный выход в г. Владивосток, посещал сына, который находится на воспитании сестры его жены» [ГАПК. Ф.1588. Оп.2. Д.30850. Л.84]. Имея свободный выход в город, Ф.В. Стрелецкий встречался с бывшими священнослужителями и информировал их о находящихся в лагере священниках и православных активистах, узнавал новости православной религиозной жизни и знакомил с ними находящихся в лагере верующих.

¹ **Поселок Светлая** (Тернейский район) был образован в 1910 г. В 1929 г. в поселок стали прибывать первые баржи с заключенными. Зона Дальлага была расположена в центре поселка и обнесена колючей проволокой, стояли вышки и бараки. Заключенные занимались рыболовством, сельским хозяйством, животноводством. Дальлаг убрали из поселка перед самой войной, заключенных вывезли, а на месте лагеря организовали рыбокомбинат.

Находящимся в заключении священникам приморские православные верующие отправляли продовольственные и вещевые посылки и деньги. Сбором и пересылкой материальной помощи занималась Анисья Евтиховна Гращенко [ГАПК. Ф.1588. Оп.2. Д.30850. Л.74].

Православные верующие, находящиеся в Дальлаге, поддерживали связи с верующими других христианских конфессий – лютеранами, баптистами, евангельскими христианами и адвентистами седьмого дня. Иногда они совместно читали переписанное от руки Священное Писание, говорили о Боге и вере, о судьбе единоверцев, рассуждали о вероисповедной политике советского государства. Общая лагерная жизнь была для них более значимым фактором, чем догматические различия.

Заключение

Подводя итог анализу религиозной жизни православных верующих советского Дальнего Востока, можно сделать несколько выводов.

Во-первых, заметную роль в жизни дальневосточных православных верующих, как и верующих других конфессий, сыграл Русский Харбин. С одной стороны, связи верующих советского Дальнего Востока со своими единоверцами в Маньчжурии были одной из причин репрессий, с другой – в Харбине православная вера сохранилась «в чистоте», не была подвержена влиянию обновленчества и после возвращения части харбинцев на советский Дальний Восток в 1935 г. оказала влияние на укрепление позиций сторонников патриарха Тихона (Белавина), что в определенной степени поспособствовало возрождению православной религиозной жизни в годы Великой Отечественной войны.

Во-вторых, заметную роль в сохранении православной религиозной традиции сыграли находящиеся в лагерях Дальлага православные священники и активисты, которые не только не отказывались от своих религиозных убеждений, но и оказывали методическую и организационную помощь в сохранении православной веры немногочисленным священникам и верующим.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Абросимов И.А. Под чужим небом. – М.: Молодая гвардия, 1990. – 349 с.
2. Аурилене Е.Е. Российская диаспора в Китае (1920–1950-е гг.). – Хабаровск: Частная коллекция, 2008. – 272 с.
3. Аурилене Е.Е. Российская эмиграция в Китае (1920–1950-е гг.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Хабаровск, 2004. – С. 29.
4. Витте С.Ю. Воспоминания. – М., 2017. Т. 2. – 700 с.
5. Гончаренко О.Г. Русский Харбин. – М.: Вече, 2009. – 256 с.

6. Дальний Восток России в эпоху советской модернизации: 1922 – начало 1941 года / под общ. ред. чл.-корр. РАН В.Л. Ларина; отв. ред. Л.И. Галлямова. (История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 2). – Владивосток: Дальнаука, 2018. – 656 с.
7. Дацышен В.Г. «Конфликт на КВЖД 1926 г.» и «Конфликт на КВЖД 1929 г.»: сравнительно-исторический анализ советской политики // Сравнительная политика. – 2018. – Т. 9. – № 4. – С. 74-75.
8. Забияко А.А., Забияко А.П., Лешошко С.С., Хисамутдинов А.А. Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта / под ред. А.П. Забияко. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2015. – 462 с.
9. Капран И.К. Повседневная жизнь русского населения Харбина (конец XIX в. – 50-е гг. XX в.). – Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2011. – 202 с.
10. Коростелев В.А., Караулов А.К. Православие в Маньчжурии. 1898–1956 / под ред. О.В. Косик. – Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2019. – 888 с.
11. Кротова М.В. Харбин – центр русского влияния в Маньчжурии (1898–1917 гг.). – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2010. – 111 с.
12. Левитский В.В. Пристань на Сунгари. – Харьков, 1998. Т. 1: (Иностранция). Мосты и смыслы, искания и сомнения. – 171 с.
13. Левитский В.В. Пристань на Сунгари. – Харьков, 1998. Т. 2: (Сновидения). Счастье. Дом. Любовь. Судьба. Вера. – 215 с.
14. Мелихов Г.В. Белый Харбин: Середина 20-х. – М.: Русский путь, 2003. – 440 с.
15. Наземцева Е.Н. Правовое бесправие в восприятии русской эмиграции в Китае в 1920-е гг. // Общество и государство в Китае. – М.: ИВ РАН, 2015. Т. XLV. Ч. 2. – С. 698.
16. Оперативный приказ № 00593 наркома внутренних дел СССР о репрессиях против бывших служащих Китайско-Восточной железной дороги и реэмигрантов из Китая. Москва, 20 сентября 1937 г. // Электронная библиотека исторических документов. [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/170382-operativnyy-prikaz-locale-nil-00593-narkoma-vnutrennih-del-sssr-o-repressiyah-protiv-byvshih-sluzhaschih-kitaysko-vostochnoy-zheleznoy-dorogi-i-reemigrantov-iz-kitaya-moskva-20-sentyabrya-1937-g> (дата обращения: 15.10.2024).
17. Петров В.П. Город на Сунгари. – Вашингтон: Издание Русско-Американского исторического общества, 1987. – 217 с.
18. Религия и власть на Дальнем Востоке России: Сб. док. Государственного архива Хабаровского края. – Хабаровск: Частная коллекция, 2001. – С. 211.
19. Родионова К.И. Харбин. Вера и отчуждение: христианские меньшинства российской диаспоры Северо-Восточного Китая. – М.: Новое литературное обозрение, 2024. – 272 с.

20. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960: Справочник / под ред. Н.Г. Охотина, А.Б. Рогинского. – М.: Звенья, 1998. – 602 с.
21. Старосельская Н.Д. Повседневная жизнь «русского» Китая. – М.: Молодая гвардия, 2006. – 376 с.
22. Таскина Е.П. Неизвестный Харбин. – М.: Прометей, 1994. – 192 с.
23. Ткачева Г.А. Крестный путь Русской православной церкви (1917–1945 годы) // Культура, наука и образование народов Дальнего Востока России и стран АТР: история, опыт, развитие: Мат-лы междунар. конф. Вып. 5. – Хабаровск, 1996. – С. 81-84.
24. Троицкая С.С. Русский Харбин: Воспоминания. – Брисбен, 1995. – 64 с.
25. Шевнин И.Л. История старообрядческого братства // Словесница искусств. – 2012. – № 2(30). [Электронный ресурс].
URL: <https://www.slovoart.ru/node/1186> (дата обращения: 17.08.2024).
26. Шевнин И.Л. Старообрядцы на Дальнем Востоке. Трагические страницы // Словесница искусств. – 2010. – № 1 (25). – С. 56-60.

REFERENCES

1. Abrosimov I.A. Pod chuzhim nebom [Pod chuzhim nebom]. M.: Molodaya gvardiya, 1990. 349 p.
2. Aurilene E.E. Rossijskaya diaspora v Kitae (1920–1950-e gg.). [The Russian Diaspora in China (1920–1950s)]. Habarovsk: Chastnaya kollekcija, 2008. 272 p.
3. Aurilene E.E. Rossijskaya emigraciya v Kitae (1920–1950-e gg.): avtoref. dis. ... d-ra ist. Nauk [Rossiyskaya emigratsiya v Kitay (1920–1950-e gg.): avtoref. diss. ... Dr. Hist. Sciences]. Habarovsk, 2004. P. 29.
4. Vitte S.Yu. Vospominaniya [Memoirs]. M., 2017. T. 2. 700 p.
5. Goncharenko O.G. Russkij Harbin [Russkiy Harbi]. Moskva: Veche, 2009. 256 p.
6. Dalnij Vostok Rossii v epohu sovetskoj modernizacii: 1922 – nachalo 1941 goda [The Far East of Russia in the Era of Soviet Modernization: 1922 – the Beginning of 1941], pod obsh. red. chl.-korr. RAN V.L. Larina; otv. red. L.I. Gallyamova. (Istoriya Dalnego Vostoka Rossii. T. 3. Kn. 2). Vladivostok: Dalnauka, 2018. 656 p.
7. Dacyshen V.G. «Konflikt na KVZhD 1926 g.» i «Konflikt na KVZhD 1929 g.»: sravnitelno-istoricheskij analiz sovetskoj politiki [«Conflict on the Chinese Eastern Railway of 1926» and «Conflict on the Chinese Eastern Railway of 1929»: Comparative Historical Analysis of Soviet Policy]. Sravnitel'naya politika. 2018. T. 9. № 4. P. 74–75.

8. Zabiyako A.A., Zabiyako A.P., Levoshko S.S., Hisamutdinov A.A. Russkij Harbin: opyt zhiznestroitelstva v usloviyah dalnevostochnogo frontira [Russian Harbin: Experience of Life Construction in the Far Eastern Frontier]. Pod red. A.P. Zabiyako. Blagoveshensk: Amurskij gos. un-t, 2015. 462 p.
9. Kapran I.K. Povsednevnaya zhizn russkogo naseleniya Harbina (konec XIX v. - 50-e gg. XX v.) [Povsednevnaya zhizn russkogo naseleniya Harbin (konets XIX v. - 50-e gg. XX v.)]. Vladivostok: Izd-vo DVFU, 2011. 202 p.
10. Korostelyov V.A., Karaulov A.K. Pravoslavie v Manchzhurii. 1898–1956 [Pravoslavie v Manchurii. 1898–1956], pod red. O.V. Kosik. Pravoslavnyj Svyato-Tihonovskij gumanitarnyj universitet, 2019. 888 p.
11. Krotova M.V. Harbin – centr russkogo vliyaniya v Manchzhurii (1898–1917 gg.) [Harbin – tsentr russkogo vliyaniya v Manchurii (1898–1917 gg.)]. Sankt-Peterburg: Izd-vo SPbGUEF, 2010. 111 p.
12. Levitskij V.V. Pristan na Sungari [Pier on the Sungari]. Harkov, 1998. T. 1: (Inostraniya). Mosty i smysly, iskaniya i somneniya. 171 p.
13. Levitskij V.V. Pristan na Sungari [Pier on the Sungari]. Harkov, 1998. T. 2: (Snovideniya). Schaste. Dom. Lyubov. Sudba. Vera. 215 p.
14. Melihov G.V. Belyj Harbin: Seredina 20-h. [Belyy Harbin] M.: Russkij put, 2003. 440 p.
15. Nazemceva E.N. Pravovoe bespravie v vospriyatii russkoj emigracii v Kitae v 1920-e gg. [Pravovoe bespravie v vospriyatii russkoy emigratsii v Kitay v 1920-e gg.]. Obshestvo i gosudarstvo v Kitae. M.: IV RAN, 2015. T. HLV. Ch. 2. P. 698.
16. Operativnyj prikaz № 00593 narkoma vnutrennih del SSSR o repressiyah protiv byvshih sluzhashih Kitajsko-Vostochnoj zheleznoj dorogi i reemigrantov iz Kitaya. Moskva, 20 sentyabrya 1937 g. [Operative order № 00593 of the People's Commissar of Internal Affairs of the USSR on repressions against former employees of the Chinese-Eastern Railway and re-emigrants from Cyina]. Elektron-naya biblioteka istoricheskikh dokumentov. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/170382-operativnyy-prikaz-locale-nil-00593-narkoma-vnutrennih-del-sssr-o-repressiyah-protiv-byvshih-sluzhaschih-kitaysko-vostochnoy-zheleznoj-dorogi-i-reemigrantov-iz-kitaya-moskva-20-sentyabrya-1937-g> (Data obrasheniya 15 oktyabrya 2024).
17. Petrov V.P. Gorod na Sungari [Gorod na Sungari]. Vashington: Izdanie Russko-Amerikanskogo istoricheskogo obshestva, 1987. 217 p.
18. Religion and Power in the Far East of Russia: Collection of Documents of the State Archive of the Khabarovsk Territory. Khabarovsk: Private collection, 2001. P. 211.

19. Rodionova K.I. Harbin. Vera i otchuzhdenie: hristianskie menshinstva rossijskoj diaspory Severo-Vostochnogo Kitaya [Harbin. Faith and alienation: khristianskie minorities rossiyskoj diaspora Severo-Vostochnogo Kitaya]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2024. 272 p.
20. Sistema ispravitel'no-trudovyh lagerej v SSSR, 1923–1960: Spravochnik [Sistema ispravitel'no-trudovogo lagerej v SSSR]. pod red. N.G. Ohotina, A.B. Roginskogo. M.: Zvenya, 1998. 602 p.
21. Staroselskaya N.D. Povsednevnyaya zhizn «russkogo» Kitaya [Povsednevnyaya zhizn «russkogo» Kitaya]. M.: Molodaya gvardiya, 2006. 376 p.
22. Taskina E.P. Neizvestnyj Harbin [Neizvestnyy Harbin]. M.: Prometej, 1994. 192 p.
23. Tkachyova G.A. Krestnyj put Russkoj pravoslavnoj cerkvi (1917–1945 gody) [The Cross Path of the Russian Orthodox Church (1917–1945)]. Kultura, nauka i obrazovanie narodov Dalnego Vostoka Rossii i stran ATR: istoriya, opyt, razvitiye. Materialy mezhdunar. konf. Vyp. 5. Habarovsk, 1996. P.81-84.
24. Troickaya S.S. Russkij Harbin: Vospominaniya [Russkii Harbin: Vospominaniya]. Brisben, 1995. 64 p.
25. Shevnin I.L. Istoriya staroobryadcheskogo bratstva [History of the Old Believers' Brotherhood] //Slovestnica iskusstv. Regionalnyj kulturno-prosvetitel'skij zhurnal. 2012. № 2(30). [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.slovoart.ru/node/1186> (data obrasheniya 17.08.1924).
26. Shevnin I.L. Staroobryadcy na Dalnem Vostoke. Tragicheskie stranicy [Old Believers in the Far East. Tragic Pages]. Slovesnica iskusstv: kulturno-prosvetitel'skij zhurnal. 2010. № 1 (25). P. 5.

Информация об авторе: Светлана Михайловна Дударенок, -доктор исторических наук,-кандидат философских наук, Профессор. Отдел социально-политических исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,

г. Владивосток, Россия

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4641-7699>

ResearcherID AAL-7404-2021

Scopus ID 57449559200

SPIN-код 2228-0423

dudarenoksv@gmail.com

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи

Information about the author: Svetlana M. Dudarenok, Doctor of Historical Sciences, -
Candidate of Philosophy sciences, Professor. Department of Socio-Political Research of
the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of
the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences,
Russia, Vladivostok,
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4641-7699>
ResearcherID AAL-7404-2021
Scopus ID 57449559200
SPIN-код 2228-0423
dudarenoksv@gmail.com

The author read and approved the final version of the manuscript

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 16.09.2024

Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and
revision: 17.10.2024

Принята к публикации / Accepted for publication: 27.10.2024

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no con-
flicts of interests